

Ольга Мартынова

О ВВЕДЕНСКОМ

•

О ЧВИРИКЕ И ЧВИРКЕ

МОСКВА
2010

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта *Вадим Месяц*

Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Оформление серии *Валерий Земских,*
Мargarита Каганова

Ольга Мартынова

О Введенском. О Чвирике и Чвирке. Исследования в стихах /
Серия «Русский Гулливер». — М.: Центр современной литературы,
2010. — 76 с.

© О. Мартынова, 2010

© В. Бейлис, статьи, 2010

© Русский Гулливер, 2010

© Центр современной литературы, 2010

ISBN 9785-5-92627-032-7

об авторе

Ольга Мартынова родилась в 1962 г. в Дудинке, где ее отец был в длительной журналистской командировке, выросла в Ленинграде. С 1991 г. живет в Германии. Пишет стихи (по-русски), эссе и литературно-критические статьи (в основном, по-немецки, иногда по-русски) и прозу (по-немецки). Как литературный критик и эссеист сотрудничает с ведущими газетами немецкоязычного пространства – *Die Zeit*, *Neue Zürcher Zeitung (NZZ)*, *Frankfurter Rundschau* и др. Премия Губерта Бурды для поэтов Восточной и Южной Европы (2000).

Стихотворные книги

по-русски:

«Шепот январских садов», в составе конволютного сборника

«Камера хранения» (Четыре книги стихов), М., 1989;

«Сумасшедший кузнечик», СПб., 1993;

«Четыре времени ночи», СПб., 1998;

«Rom liegt irgendwo in Russland», per procura, Wien – Lana, 2006

(двуязычное издание: русский-немецкий, совместно с Еленой Шварц);

«Французская библиотека», М., 2007;

по-немецки:

«Brief an die Zypressen», Rimbaud Verlag, Aachen, 2001;

«Rom liegt irgendwo in Russland», per procura, Wien – Lana 2006

(двуязычное издание: русский-немецкий, совместно с Еленой Шварц);

«In der Zugluft Europas», Heidelberg, 2009.

Стихи и эссе переводились на немецкий, английский, французский, итальянский, словацкий, русский и датский языки.

О ВВЕДЕНСКОМ

ИССЛЕДОВАНИЕ В СТИХАХ

«О Введенском» Ольги Мартыновой напоминает ораторию или кантату с речитативами рассказчика (евангелиста?), следующими за словами вроде «Also spreche»: «Введенский о Хармсе...», «Заболоцкий написал Введенскому письмо, примерно такое...», «Введенский говорил друзьям...» и, наконец, «Я говорю: О, Ты, который...». Такая форма, вероятно, впрямь подходит произведению, говорящему о том же, что всю жизнь интересовало героя этого пассиона, – о времени, о смерти и о Боге. И еще: это не только кантата, где звучат голоса (арии) чинарей, собеседников и оппонентов Введенского, это также и попытка разговора со старшим товарищем по цеху, минуя смерть, разрыв во времени, но не минуя Бога, который, *возможно кругом*. Вернее, я бы сказал даже не разговор, а, как формулировал это сам Введенский, «некоторое количество разговоров». При этом не забудем, что разговоры в данном случае не просто беседы, но разговоры в стихах – дьявольская разница.

Разговор в стихах с таким поэтом, каков Введенский, предполагает владение его языком, его понятийным аппаратом, приемами его речи. Дерзновенная Мартынова решается на такой разговор и демонстрирует и беглое владение идиоматикой, и приемами соединения прежде не встречавших друг друга слов, и ритмико-композиционными изгибами стиха. Но это всё лишь дань почтения гениальному поэту: Мартынова ни на минуту не перестает быть самой собой, то есть поэтом, обладающим собственным голосом, независимым взглядом и особым умением вести беседу, не пасуя перед великими партнерами (которых сама же и выбирает).

Из того немногого, что до сих пор говорилось о Введенском, все написано на философском или же филологическом наречии;

Ольга Мартынова впервые взялась трактовать эту тему в стихах, и мне представляется ее подход существенным и продуктивным. Все труды, посвященные Введенскому, начинаются так или иначе со слов «звезда бессмыслицы», с упоминания о том, что этот автор предвосхитил на тридцать лет литературу абсурда и т. п. После упоминания бессмыслицы и приведения цитаты о том, что поэт провел «как бы поэтическую критику разума, более основательную», чем критика Канта, исследователи, все как один, приступают к поискам смысла. Даже самый проникательный и близкий Введенскому Я. С. Друскин, который в начале своих заметок о поэте пишет о том, что невозможно искать смысл бессмыслицы, так как это еще большая бессмыслица, чем сама бессмыслица, — уже через три страницы утверждает: «...понять время (и жизнь) это и значит не понимать их. В этом смысл его бессмыслицы».

Слова имеют семантику, семантика не может не породить смысла, пусть непривычное (алогичное) соединение слов приводит к неожиданному и шокирующему смыслу, но всё же смыслу. Дайте нам *дыр бул щир*, и мы вначале припишем ему семантику, а вслед за ней отыщем и смысл.

металл бессмыслицы сдается,
резвится, как щенок,
клубится, как вода,
которая слизывает себя сама:
(*А воздух море подметал,
как будто море есть металл*) —
Это очень обычное,
очень простое
очень правдоподобное описание моря
под пасмурным небом в ветреную погоду.
Но оно и стоит в скобках).

Реплика Мартыновой вторгается в напряженнейшую философскую дискуссию, но это реплика поэта, и она произведена не в рамках любомудрия, а подчиняется законам поэтической речи. Поэты часто тоскуют, как бы это без слов сказаться было можно, призывают молчание, как панацею, молят о немолчующих устах. Не верьте поэтам: больше всего на свете они любят слова. Поверьте поэтам: слова их убивают.

Тут входит слово никогда (Введенский)
И (продолжает Мартынова) непрогретая вода
Внушает вам, что вы не рыбы,
Иначе вы летать могли бы.

В произведении Введенского «Очевидец и крыса» Он, обращаясь к женщине — *Маргарите или Лизе, ныне ставшей Катей*, говорит:

Маргарита Маргарита
дверь скорее отвори,
дверь в поэзию открыта,
ты о звуках говори.
Мы предметов слышим звуки,
Музыку как жир едим.
Маргарита для науки
мы не верим что мы спим.
Мы не верим что мы дышим,
мы не верим что мы пишем,
мы не верим что мы слышим,
мы не верим что молчим.

||

Введенский не верит, что женщина в состоянии сказать то, о чем он ее просит, поэтому в «Очевидце и крысе» *Он* сам и говорит, пока дверь в поэзию открыта, в то время как *Она* прыгает в окно, хотя *тут нигде не сказано, что она прыгнула в окно, но она прыгнула в окно*, которое по его же просьбе и открыла.

Мартынова берет на себя смелость сыграть женскую роль по сценарию Введенского. При этом слова роли принадлежат не сценаристу (ему принадлежит лишь замысел), а ей самой, хотя и выполняющей просьбу Введенского. Мне кажется, это очень важно, что вникнуть в суть исканий Введенского пытается поэт и что этот поэт — женщина.

Да, дело в том (говорит Введенский), *что тут есть с тобой еще участница, женщина. Вас тут двое. А так, кроме этого эпизода, всегда один. В общем, тут тоже один, но кажется мне в этот момент, вернее до момента, что двое. Кажется, что с женщиной не умрешь, что в ней есть вечная жизнь.*

Бессмертия Вам, Александр Введенский!

А Мартынова пусть говорит еще — о вишневой косточке, о длинноглазом шумере, о рыбах и буквах, о мелком море на севере и глубоком — на юге, о том, на что у нее есть право цеха, нравится или не нравится это кому-либо (да хоть и самому Богу, который, возможно, кругом).

Виктор Бейлис

О ВВЕДЕНИИ

О Господи помилуй мя.

Л. Аронзон

I.

(Как ловко книги, по-русалочьи манят —
Неслышно под рукой их плавники трещат:
Щекотно пальцам и смешно бумажной Лорелее)

вот, сидишь, например, в кресле,
коровьи языки солнца сквозь занавеску лижут страницу,
читаешь «Крейцерову сонату»,
думаешь, хорошо бы порадовать старика,
написать ему на облака:
«Перечитывала „Крейцерову сонату“»,
было грустно от общего нашего несовершенства», —
Он бы в сторону Гете, с(о)пящего на соседнем облаке,
вспахал бороздки бороды
и скромно отхлебнул из дождевой воды.

15

Книги слоятся как рыбье мясо.
За белые жабры держу два тома,
Как из рыбных рядов покупку несу.
Я помню еще, как они открывали серые рты,
Но тукнул продавец по темени —
И в чешуе нет больше хода времени.
Их казнь понятна и ясна,
ведь божий замысел — блесна,
а рыба — бог, но в то же время,
в каких-то сухопутных снах,
мне больно, будто бы — я стремя
со шпорой-звездочкой в зубах,
и к нёбу ржавый шип приник.

Два белых тома тоже не всегда
Уходят из сетей ума,
И если нет, тогда
металл бессмыслицы сдается,
резвится, как щенок,

клубится, как вода,
которая слизывает себя сама:
(*А воздух море подметал,
как будто море есть металл*) –
Это очень обычное,
очень простое,
очень правдоподобное описание моря
под пасмурным небом в ветреную погоду.
Но оно и стоит в скобках)

16 Все, что наспех сознание связало и спутало,
Еще в колыбели, над розовым сморщенным «я»,
Как это распутать? –
Послушай, из логики слов меня выведи,
Так разуму я в колыбели сказала,
В бессмыслицу связи и завязи –
Но непослушен разум
Младенческим приказам.

II.

Введенский о Хармсе: *Он, видите ли, любит гладкошерстных собак. Ни смерть, ни время его по-настоящему не интересуют.*

Это сказано в сердцах.
Я думаю, когда он это говорил,
Он сидел на еже и его правая нога перебирала клавиши
компьютера
(так ему мстило время, анахронизмы ввинчивая в темя),
которые были, как зубы: *На какую (клавишу) ни нажмешь,
больно.*

Раньше черти варили и черви глодали
беззубые черепа,
А теперь мы с прекрасными (в)сходим в свет(мрак) зубами,
Драгоценней фосфорных черепах,

Кто прежде нас ушел, тем, кажется, обидно,
Они ворчат: нифить фарфоровые фубы — фтыдно.

*Да и всякое вообще описание неверно. «Человек сидит,
у него корабль над головой» все же наверное правильнее,
чем «человек сидит и читает книгу»:*

Я сплюнула слово — вишневой косточкой — в руку,
Потом незаметно бросила в реку,
Выросла вишня-черешня на скользкой воде,
Плянула в небо, а неба-то нету нигде,
Выплакало небо всю зелень-синеву свою в высокую осоку.

Когда бы слово было меньше семени,
В нем не было б любви к бессмыслице и темени.

III.

17

Кругом, возможно, бог —
и это стоит (то есть, этот возможный бог стоит) кругом
возможности непонимания и заслоняет ее:

Ладно, когда-нибудь всё равно все всё говорят,
Особенно, когда в молочной туче,
Повисшей, как надутая перчатка,
Как вымя страшное, набух огонь трескучий,
И Твоего куста созрело пламя,
Чтоб сжечь уют косноязычий.
Дар речи обретя от страха,
Я говорю: О, Ты, который, возможно, кругом,
Мне не нравится то, что Ты сочинил,
Я говорю это, как коллега, у меня есть на это право цеха,
Праха (потому что в прахе Ты мне назначил свиданье),
Воздуха-вдоха (потому что это Твое дыханье)
И, главное, петуха, у которого съедены потроха.
Конечно, все это очень мило,

Все эти хребты, облака, баобабы, бабочки, комары, кроты;
Прелестны и разноцветные люди,
Это было счастливое озаренье,
Сделать их бледнолицыми, черножопыми, краснокожими
и желторожими,
Но я не люблю Твоего творенья.

18 Чуден и синий воздух, как корова жующий время,
Все, что нам осталось — это дать этому имя,
Мы ничего, ничего, как известно, не можем придумать,
Что не придумано раньше Тобой:
Петушиные клювы драконов девы несут на убой,
Розы завой вьется как вой за собой,
Василиск поднимает к небу свой ботинок рябой.
Зверь с головой ботинка,
В подвздошь Бутырка, в подпашь бутылка,
А руки как у трески — все равно останется связан
С Ангелом воли Твоей, с его золоченой трубой,
И конечно, все это страшно мило,
Но
Мне кажется, Ты не продумал деталей,
Сляпанным слишком поспешно мне кажется это кино.

Я сплюнула слово — выпавшим зубом — в руку,
Потом незаметно скинула в реку.
Выросла челюсть на полой волне
И поплыла к зеркальной блесне.

IV.

Как думали о смерти стоики:
Мускулистые мысли в одрябших полотнах страха
У них над головой подметали небо,
Оно морщинилось, как море,
На их головы сыпалась теплая слава в веках,
И хлопья небесного смеха

Прилипали к их липким и влажным одеждам,
Из мокрого нёба сочились сухие слова.

(Городские стражи надо мной смеются, виноград расклевали
птицы,
Везде скользкий камень, куда не поставлю ногу,
Мой живот, что луной должен быть, круглой, плоской,
прохладной, горит, как солнце,
Мой разум, что должен гореть как солнце, стынет
луной-лягушкой,
Заклинаю Вас, девушки Иерусалима, не приводите ко мне
жениха другого,
Пусть лучше будет кругом меня эта ночь сырая,
Пусть я стою над жемчужно-желтыми холмами,
И кожа моя пусть горит, не сгорая,
Пусть стражи надо мной смеются, пусть спуют лисицы.)

19

Ночь и день замеряя осиными колбами яви и сна,
В струйке песчаной люди висят, как блесна,
Одинаково далеко от поверхности и ото дна.

Жизнь смертные сны подсмотрела
И разболтала,
Дыряво ее покрывало.

И шибает из прорех
Т(П)леном подчерепной орех,
В котором бог, в котором грех, в котором зал его утех.

V.

(Вас тут двое. А так, кроме этого эпизода, всегда один.)

Есть три «вдвоем», которые
Себя умеют видеть без посторонних глаз:

Любовь, молитва, смертный час.

(Половой акт, или что-либо подобное, есть событие.)

Так, колесо любви

(Все разлагается на последние смертные части.)

соединив со смерти колесом,

(Это ничем не поправимая беда. Выдернутый зуб. Тут совпадение внешнего события с временем.)

Он сделал самокат.

Так, колесо любви соединив со смерти колесом,

Все едут на бесцельном самокате:

20

Без женщины/мужчины ты все сам и сам,
А с ней/с ним ты в двухместной вроде бы каюте/палате.

Тот, кто Кругом, соединяя вас,
Неслышно замеряет вашей жизни вес:

Без смерти ты всегда один,
Поскольку для нее рожден.

Тут входит слово никогда
И непрогретая вода
Внушает вам, что вы не рыбы,
Иначе вы летать могли бы.

VI.

Заболоцкий написал Введенскому письмо, примерно такое:

Человек сидит за компьютером.
Кругом, где только возможно,
Лежат книги.

Это все же наверное правильное, чем:

Человек лежал, ская
Среди осиновых жуков и праздничных ежей,
Питаясь военными брюквами,
Как прадед завещал,
А между тем, как между брюками,
Червяк подснежный верещал.

Это все же наверное правильное, чем:

«Человек сидит, у него корабль над головой» —

Это все же, наверное, неправильно.

В сущности, то, что он хотел сказать, выглядит примерно так:

Время — это счастье,
Счастье — это бремя,
Я — боюсь.

21

VII.

Некрасивая девочка в желтой куртке идет, обмотавши шею
колючим шарфом,
Фонари на мокром асфальте, там же рябь от ее ботинка,
Это станет (потом) забытым шифром,
Отпечатанным (много позже) в ее морщинках,
Она улыбается, город, река, пустоты архитектуры,
Под подошвой хрустнула льдинка,
И что есть красота?
Это — город, река, пустоты архитектуры,
Луну поймавшая льдинка.

Долгая невидимая трубка,
Продолжение газетной, подзорной,
Кругляшок ясного мира на конце зренья,
Но там ни звука, ни жалкой радости,

Клен успел умереть и воскреснуть,
Как Гильгамеш.
Птицы успели замерзнуть,
Как рябь от ее ботинка.

А кругляшок не приносит
Ни жалкой радости, ни буквы,
День, как глина,
Молчит, ждет, что будет
(Из него).

VIII.

Фигура паука,
Геометрична и легка,
И я боюсь, что знает он, зачем так четок
Узор им сплю(с)нутых решеток?

22

Вечерний долгий свет, недолгая отрада.
Я наклоняюсь, разминаю
Присыпанный, как будто временем, шалфей,
Его сухая горькая прохлада
Укор тому, что в теле хлопает бесформенно и жарко.

Или ковер. Ведь шелковые нитки
Не знают, что такое голова,
Зубная боль, огонь желанья,
Рвота, седые волосы и стыдные слова.

Или гордензия. Она
не раздувает ноздри
Почуяв запах спелого вина.

Или паук. Ему неинтересен
Этот стыд, этот стон,
Он ему уныл и пресен,
Как мне гитарный перезвон.
О, говори хоть ты со мной,

Отживший век,
Хоть темен ты, как мозг спинной,
Но сны твои в изнанке век.

IX.

Как буквы уязвимы! их тоже любит смерть,
И воздух начеку, земля, огонь, вода,
Им нипочем разбиться и сгореть,
Рассыпаться и утонуть,
Подстерегают их зима, война, осада, казенный путь
И разные другие *дураки*,
Им нипочем исчезнуть навсегда.

Ворон – Никогда – Ленора.
Рильке: вишневая косточка – смерть

(Подруга говорит: это логическое противоречие:
косточка – это новая жизнь,
Я говорю: нет, Рильке пишет, что как живот беременной
женщины несет в себе не только жизнь, но и смерть,
так и плодовая косточка и т. д. ...
Она: ладно).

23

Пока мы это говорим, у нас над головой корабль,
У нас под ногами – чужое знамя,
На нем непонятные буквы выело время
Как мышки из книжки – в сыре.

Сосчитать овец
Или звук снарядить в загробный поход, снабдить на дорогу
одеждой –
Зачем, грея глиной тонкие смуглые пальцы,
Длинноглазый шумер в кольчатых стружках своей бороды
нащупывал буквы?
Что прятал он в глиняных клиньях?

«Дети, излишек брюквы привел к тому, что пленников
оставляли в живых,

Так возникло рабство.
Излишек глины — к тому, что в ней сохраняли звуки,
Так возникла культура».

А вот пещера:
Лошади убегают.
Лошади убегают, запаздывают их гривы,
Рисовальщик спасался от предсмертной икоты.
Лошади убегают, красивы, неторопливы.
Буквы мои в пещере, а в ней темнее, чем в облаках, вода,
Но они терпеливы,
Как рыбы.

Х.

24

Введенский говорил друзьям, что счастливы живущие у моря.
— море — время — море времени — время моря —
Кинохроника: мальчики взапуски с торопливой волной,
Усы, пахнущие табаком/черно-белой любовью на одичавшее
племя детей,
Странно высокий голос диктора, девушка, повернувшаяся
спиной,
Поднимает ракетку. Как у молодого хищного зверя
ходит под кожей ее лопатка.
Учительница говорит: город наш был построен Петром
На костях. Я, не видя этих костей,
Верила ей, но не понимала.

Мелкое море на севере, у меня под боком.
Глубокое море на юге, потягивается сладко.
Тот, кто живет у моря, каждый день наблюдает время,
Оно показывает себя с ленцой, с пижонским размахом,
Взрослые женщины в страшных светящихся платьях
Ходят вдоль моря, им шатко на каблуках и валко,
Их поддерживают седые мужчины,
Чьи усы пахнут вином и страхом.

О ЧВИРИКЕ И ЧВИРКЕ
СТИХИ ИЗ РОМАНА О ПОПУГАЯХ

Здесь собраны «стихи из романа о попугаях». Можно проследить, как развивается этот цикл. Вначале повествуется об экзотических птицах Кагу — с выписками из энциклопедии, объясняющими уникальность этой популяции, распространенной лишь в горных лесах Новой Каледонии. Эти птицы пока еще лишены всякого разумения и бессмысленно «чвирикают в (с)аду», производя «какие-то „ти-ти“ или „ди-ди“». Но уже очень скоро возникает предположение, что это не просто звуки, а умопостигаемые смыслы, и в стихи наряду с оноματοпозитикой входит попытка истолкования загадочной речи:

27

- пора открыть, каков он, чвирик:
- нет у него приличного костюма.
- тук-тук, говорит птица, другая отвечает: *чирик*,
- *о чем, правда, думает чвирка?*

Ольга Мартынова берет на себя роль толмача, и, если ей не хватает слов человеческого языка она смело вставляет фонемы никому на свете не знакомого (не хочется говорить, чтобы его не принизить, «птичьего») наречия.

Это невероятно трудно:

Нельзя запомнить,
какая птица, что твердит.
Кто говорит *твичей*,
кто говорит *тютю*,
а кто молчит.

Особенно нельзя понять,
поняв, нельзя запомнить,
которая из них молчит.

Видно даже, как поначалу смешиваются полужнакомые (чужие) языки, хотя это смешение, может быть, и помогает узнаванию. Нельзя не порадоваться, например, такому счастливому, по крайней мере, для русского слуха, слиянию чвириканы с итальянским:

Замри, Флоренция, (не) забуду
Твоих сумасшедших старух
И премудрых Триче,
Им не сойтись вовек,

А серые ленты
Арно и трече-,
Кватроче-,
Чинквече-
И прочее птичьеченто
Залатали вход, Флоренция, в твой небесный чертог.

28

Это сплетение языков, а есть еще и перескоки из языка в язык. У Мартыновой это связывается с замечательным поэтическим озарением о том, что слова вообще избыточны, сами про себя это знают и стесняются собственных окончаний, предпочитая оставаться начальными фонемами.

Слова не любят продолженья —
Дре- скок в чужой язык: dreht durch! —
Неважно — все это не много значит.
Маячит смысл на маяке, бессвязен океан...
Над темным океаном Чвирик,
Но он не знает наших слов.

Постепенно Чвирик и Чвирка перестают быть диковинными птицами или даже претерпевают еще более существенную метаморфозу, — не то чтобы они узнают наши слова, но они обретают осмысленную речь (по мере проникновения автора в тайны их коммуникации и способностей автора приладить эти тайны к особенностям человеческого языка). Труды поэта в этом цикле можно бы сравнить с изнурительной работой антрополога, разбираемого двумя равноправными идеями: о глобальном единстве всего сущего и кардинальном несходстве всего подобного. Вначале крен происходит в сторону уподобления, *очеловечения* Чвирика

и Чвирки: они печалются, опьяняются, сочувствуют, даже бреют подмышки. Затем различие достигает таких пределов, когда мир, в котором эти существа живут вместе с нами, кажется, обретает другую природу и подчиняется другим *физическим* законам! Представьте себе стихи, написанные в мире, где не работает закон земного притяжения. А похоже, что речь Чвирика и Чвирки, явленная нам в *переводах* Ольги Мартыновой, — это именно стихотворная речь и при этом часто речь космогоническая, потому что здесь утверждается, будто «этот мир построен нами для плоти и крови», хотя с великолепной мифологической непоследовательностью (которая и есть самая последняя в любом мире точность) сообщается, что эти птицы есть время или вот эти конкретные минуты, которые «капают в компот», или «болят у Чвирки в зубах», или «Чвирик был этой минутой», или «нет минуты этой, и нет минуты той, ни третьей, ни четвертой, ни первой, ни второй». Я бы хотел, чтобы какой-нибудь физик-теоретик взялся прокомментировать с точки зрения своей науки вот эти строки:

ЧВИРКА И ЧВИРИК РАЗГОВАРИВАЮТ,
КОГДА ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ СПИТ

29

— Когда мы, Чвирик, выбирали
Для света самого дневного
Поблѣстче воздуха частицы
Из наших времени запасов,

Не знали, Чвирик, мы не знали,
Что в этом свете, как в темнице,
Мы будем заперты, младенцы
Для нас ветшающего мира.

— Подумай, Чвирка, эта скорость
Затем ли бабочкой сбежала
Из нежно медленного рта,
Чтоб тормозить времен кружала?

— Не знаю, Чвирик, только страшно,
Что изморозь невременная
Уронит этот свет как в морось
В неслыханное тра-та-та.

Уверен, что «неслышанное тра-та-та» — не звукоподражание, а просто термин, не имеющий соответствия в человеческом языке, но совпадающий с «тамошними» принципами. Скажешь ли тут вслед за Пушкиным: «плохая физика, но какая поэзия»? О качестве поэзии мы худо-бедно можем судить, а в том, какая физика работает в описанном мире, хотелось бы разобраться, потому что эта реальность лишь частично совпадает с нашей действительностью. (А может быть, падение света, как в морось, в это самое «тра-та-та» и есть на самом деле впадение в «неслышанную простоту»?) Порой мы радостно узнаем наши реалии, но они для нас слегка искажены, вернее, *остраннены**, отражены как бы чужим зрением, и привычные нам результаты порождены вроде бы совсем иными причинами:

Вот и лето улетело
на внезапном помеле,
съело нижний свет и село
миской ягод на столе.

30

Так в Чвирином мире наступает осень. Знакомая примета — миска ягод на столе, но вот то, что оседание миски на столе приходит посредством съедения нижнего света, мы слышим, кажется, впервые.

Чвирик и Чвирка болеют временем, ставят заплатки на его дыры, когда бесповоротно, как не бывало, исчезают минуты, заботятся о пространстве или, скорее, создают его из беспространства. Края прорех во времени и пространстве соединяются нитями, накрепко сплетенными из противоположностей, чье единство наиболее отчетливо проступает во время войны. Вот песня Чвирика, которую он поет на войне:

Еще я не погиб
В родном-чужом краю.
Еще закат-восход
Зовет меня в поход.

* Я пользуюсь термином Шкловского, возвращая слову «остраннение» второе «н», поскольку первоначальная семантика привнесения странности в знакомое в данном случае важнее терминологической точности. — В. Б.

Мой ратный труд –
Обратный круг.
Мой родный брат –
Обратный враг.

Сказанное – лишь предварительные замечания о токах жизни, бьющейся внутри цикла стихов о Чвирике и Чвирке. Но эта поэзия такова, что требует дополнительной попытки рассмотреть ее в нескольких контекстах.

Первое, что бросается в глаза всякому, кто знаком с русской литературой, – это соотнесенность стихов цикла с поэтикой обериутов, в особенности Александра Введенского, о котором Ольга Мартынова написала блистательное эссе и именем которого назвала свою предыдущую поэму-ораторию. Не говоря о системе чисто литературных приемов, используемых вослед обериутам, Мартынова демонстративно делает своими темами то же, что более всего волновало Введенского, – Время и Смерть. Этот разговор требует обстоятельного рассмотрения, но для того, чтобы стало ясно, о чем идет речь, достаточно привести только две строчки из известного стихотворения Введенского:

Мне трудно, что я с минутами,
Меня они страшно запутали.

Это явно те же минуты, что в стихах Мартыновой застревают во рту у Чвирика или каплют в компот. Это вовсе не означает, что стихи цикла хоть в чем-то подражательны, поэтика Мартыновой продолжает оставаться резко своеобразной – просто поэт пользуется тем языком, который был предложен обериутами для поэтического исследования некоторых сторон человеческого существования. Упомянутое эссе о Введенском заканчивается словами: «Заговорит ли кто их (обериутов) языком? Всерьез. Завершая их, а не эпигонствуя». Мартынова и заговорила – без тени эпигонства – свободно и независимо – на равных.

А теперь необходимо вспомнить, что стихи о Чвирике и Чвирке имеют подзаголовок: «стихи из романа о попугаях». Русские стихи из романа, написанного по-немецки и существующего только на этом языке («Sogar Papageien überleben uns»)! Это, вообще говоря, дерзость неслыханная – на такое не решился даже

абсолютно бесстрашный двуязычный Набоков, хотя и подошел к такому замыслу невероятно близко, но все же не ближе мультилингвистических каламбуров.

Но стихи и не включены в роман, и роман не о попугаях! Стихи всё же принадлежат, вероятно, героине романа, от лица которой ведется повествование. Это молодая германистка из Петербурга, попутно занимающаяся творчеством Введенского и рассказывающая историю своей семьи. Каждая глава романа открывается цепочкой одних и тех же дат, большая часть которых напечатаны слепым шрифтом. Отчетливо проступают лишь те годы, о которых идет речь в настоящей главе. Цепочка начинается задолго до рождества Христова и заканчивается 2006 годом. Каждый из обозначенных годов так или иначе упоминается. Немецкий язык оказывается необходим русскому автору не для того, чтобы блеснуть высокой степенью овладения неродным наречием, но для того, чтобы с удвоенной силой провести прием остраннения. Остраннения бывших вещей, прошедших лет, несуществующей страны (Советского Союза). Это можно с полной убедительностью сделать, лишь рассказывая тем, кто не знает об этом ничего, — и на другом языке. Роман чаще всего требует любовной интриги, и история любви (несостоявшейся и неутоленной) молодой ленинградки-петербуржанки и немца Андреаса могла бы стать такой интригой, но... не становится. Вместо развития классического романного сюжета — разговоры с поэтами и художниками, рассказы о бабушке и тетушках, посещение зоопарка с пространными портретами многообразных птиц, ну, да, попугаев.

32

Русские писатели уже давно и хорошо освоили зоопарк. У Виктора Шкловского есть роман: «**Zoo, или письма не о любви**». Женщина, не желающая отвечать на чувства своего поклонника запрещает ему писать ей письма о любви. При таком табу все сказанное, в частности, об обитателях зверинца становится метафорой любви. Метафоры позволяют сказать о любви гораздо больше, чем прямой разговор. На женщину надвигается громада метафор — умоляющих, грозящих, унижающих и самоуничижительных. Впрочем, женщина легко со всем этим справляется: достаточно всего только не любить.

У Мартыновой внешне похоже, но все не так. Она не пользуется метафорами любви, она говорит о том, что с любовью соседствует — по случайности. Здесь скорее род метонимии.

Поскольку в романе часто обсуждается Александр Введенский, в одном из разговоров приводится цитата: *«Да и всякое вообще описание неверно. „Человек сидит, у него корабль над головой“ все же наверное правильнее, чем „человек сидит и читает книгу“»*. Далее говорится о том, что хорошо бы написать роман по этому принципу Введенского. Такой роман и написан.

Читатель оповещен о главном событии, но описывается не само событие, а то, что у человека «над головой». Вот откуда звяринец, попугаи, бывшие вещи и т.п. О чем хочет говорить поэтически одаренная женщина, когда брезжит возможность возродить неутоленное чувство? О, это всякий знает! Но... она пишет стихи о попугаях, о времени и заплатах на нем, о беспространстве и чвириканые.

Можно ли после этого считать, что это стихи не о любви?

Но оставим немецкий роман: русские стихи о Чвирике и Чвирке живут самостоятельной жизнью и, по словам самой Мартыновой, эти стихи никогда не встретятся с романом под одной обложкой. Мне кажется, интересно было бы приглядеться внимательней к птицам. Еще в самом начале цикла, когда не птицы глядят на человеческий мир, а мы впервые разглядываем их как цветастые экзотические создания, что-то уже там было сказано, что мы упустили, а потом смутно и сами стали догадываться? Вот оно: «Кто их выпустил из рая (и зря)?» И еще: «Божий Чвирик чвирикал в (с)аду». Вот же оно: наш сад, то есть место, которое мы с охотой приравниваем к райским кущам, и где нам бывает хорошо, — это ад, куда Чвирик и Чвирка попали из подлинного эдема, причем попали добровольно: их не изгнали, но «выпустили». Во всяком случае, это не нашего света создания (мы уже отмечали, что в их мире другая физика): «но в том-то и дело, что Чвирик не птица». Но они и не потусторонние существа. Чвириков не видно с земли, потому что их тела синие в синем небе, огненные — на солнце и ртутные в лунном свете; но их не видно также и с луны, и с солнца, и со звезд, потому что при взгляде оттуда они приобретают земные характеристики — сливаются с пеной океана, со снегом, светом дня. Это существа не надмирные, а межмирные. Они попытались жить среди нас, и оказалось, что они это могут:

Земную жизнь задумал Чвирик.

И что сказать? Она ему, пожалуй, удалась.

Но Чвирка так ему сказала:
— Я вяну здесь,
Давай вернемся.

И Чвирик Чвирку пожалел.

Значит ли это, что, возвращаясь (в рай?), они умерли? Не думаю. Мне представляется, что Чвирик и Чвирка (как это точно, что их двое!) — это метафора некой тонкой межмирной плоти, о которой говорится в загадочных поначалу стихах:

Упав с велосипеда, знаешь вдруг:
между тобой и миром — плоть,
и так тонка, и так капризна,
что грубой и выносливой душе
она сплошная укоризна.

34

В этом же стихотворении и удачный неологизм, похожий скорее на архаическое словоупотребление — «зёркло» и появление Леонида Аронзона в момент встречи в нем двух миров, что для нас означало трагический конец поэта, а для него самого, по всей видимости, переход из его земного райского сада в какой-то другой, нам неизвестный, но им предвиденный. В этом стихотворении Чвирик и Чвирка не упоминаются вовсе, и на первых порах недоумеваешь, почему оно вплелось в цикл о попугаях. Потом, задумавшись о том, каким именем скреплены эти стихи, понимаешь, что ассоциация самая прямая: Аронзон — некая залетная райская птица, обустроившая рай прямо здесь, среди нас. По всей видимости, Аронзон — это еще и неотвязная мысль, которая владеет автором наряду с открыто названными оберютами, в особенности Введенским.

И весь цикл сравним с ораторией Мартыновой о Введенском также и по жанру своему, по архитектонике вокально-симфонического опуса. Только в пассионе «Введенский» превалируют речитативы и партии, а здесь вокальные дуэты, арии и оркестрово-эпические фрагменты.

Виктор Бейлис

О ЧВИРИКЕ И ЧВИРКЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПТИЦА КАГУ

Кагу (Rhinocetus jubatus), птица отряда журавлеобразных; единственный представитель подотряда кагу. <...> Распространен в горных лесах острова Н. Каледония на площади не более 40 км².

(БСЭ)

Видишь: на разломе лето дождливо,
как червив бывает гриб на разломе.
За лучистой шторкой, слышишь, божий Чвирик,
чивирикает, а что – и сам не знает.

Распускают свои перья и клювы,
да ерошатся в невинном ознобе –
птица-ромб, и птица-крест, и птица-окружность,
и треугольники-птицы обе.

37

А птица Кагу с островка в окояне,
как напудренный вельможа в холе-пьяни.

Попугаи, попуга, попу, по,
кто их выпустил из рая (и зря)?
Перья белые щипали на груди,
перья красные ложились в борозду.

и взволнованно шагали птицы-по
на разломе швырестела земля,
и какие-то «ти-ти» или «ди-ди»
божий Чвирик чивирикал в (с)аду.

А птица Кагу, захудалый вельможа,
Смотрит, пыльную косицу ероша.
В черном сыре понавьела ворона
звездных дырок, а сама улетела.

Ворон прядал бы ушами — да нечем,
Конь закаркал бы, да не дал бог слуха.

Неумело подпевают чивирику
птица-ромб, и птица-крест, и птица-окружность,
а треугольники-птицы обе
завистливо зависли в небе.

А птица Кагу на островке —
В сапожках красных, в величавом парике.

ВАДИМУ СТРУКОВУ

Где Гильгамеш и Энкиду
Рыдали и рычали,
Кругом стояли какаду
И вздохи мускулистых рук с волнением изучали.

И где Ганеша танцевал,
Там Петипа врывался в зал —

Завитой мотылек,

Где выросал версальский сад,
Там выл суровый Петроград,

И поток Лизу влек.

39

Классический балет придумали не мы,
Но цапли над водой, но ивы подо льдами
Рождают тот полет,

Лягушки влажные весны и корни узкие зимы
Из зала первобытной тьмы
На горней сцене их видали.

ЧЕТЫРЕ ДЛИННЫЕ МИНУТЫ

1.

Четыре длинные минуты
смеялась ласточка во сне (*здесь ночи коротки*)
и бормотала, и потела под крылом,
потом вздохнула, улетела по делам.

— своим полукругом резали воздух удоды
— (*юг*),
— творожное утро осталось без даты
— (*вдруг*).

Четыре длинные минуты
дождь выпускал и прятал коготки,
а Чвирик слушал: *ла-ла*,
музычка с листьев на листья упала,
упала и уплыла (*пропала*).

— пора открыть, каков он, Чвирик:
— нет у него приличного костюма.
— *тук-тук*, говорит птица, другая отвечает: *чирик*,
— *о чем, правда, думает Чвирка?*

2.

Но в том-то и дело, что Чвирик не птица.

3.

Он хочет что-то записать,
и рассыпается тетрадь.
Три длинные минуты —
и нет тетради той.
За две минуты — лес распался,
стал хламом, пылью, наготой.

Одной минуты (*не*) хватило горке крутой,
чтоб в озерцо пролиться высотой.

Чвирик был этой минутой.

4.

— О Чвирик, когда я улыбочивой тенью смущенной
скользну в этот мир, для плоти и крови построенный нами
взлетая на склоны деревьев, с их жизнью, в коре
(*что странно*),
заклученной...

— О Чвирка, не думай об этом, тогда мы оставим эти края.

— О Чвирик, скажи: без обмана?

— Чвирка, о чвирка моя!

41

Послушали птицы и стали смеяться: *хи-хи*.

0.

И нет минуты этой,
и нет минуты той,
ни третьей, ни четвертой,
ни первой, ни второй.

КТО ЧТО ГОВОРИТ

*Wenn nicht mehr Zahlen und Figuren
Sind Schlüssel aller Kreaturen*

(Novalis)

1.

Вот календарь сказал: осенних листьев жар!
Не стыдно ли такое говорить?
Вот повторил: «безлистных» «осень» «жабр».
Ни-ни, — сказал, а лес пропел: фьюить.

Когда протрется медь копыта на змее,
Седая рыба выплывет к скале,
Раскроет углый рот и скажет (но не мне),
Что рыбы говорят, очнувшись на земле:

42

2.

Вороне Бог сказал: «Сыграем
В „цветок“, „новалис“, „мотылек“?»

Когда лишь числа и фигуры
В ключицах птичьих, кто авгуры?
И для кого мы здесь летаем?

Скажу ль ученым попугаям:
«Новалис», «бабочка», «цветок»?

На бабской рифме «коромысло»,
Без геометрии и смысла
Висят фигуры, виснут числа –

Уж так их славно попугаем.

ПИСЬМА ЭМИЛИ ДИКИНСОН
(ПЧЕЛА И БОРТНИК)

Are you too deeply occupied to say if my Verse is alive?

(E. D.)

1.

Пчела, описывая круг,
сошла с дуги, ушла из круга
(с распахнутого луга).

2.

В Залуг летит пчела, летит без тела,
мохнатой гильзой оставаясь Лугу,
где Эмили увидеть захотела
в пробоине за улетевшей пулей
Заульный Улей и Луг Залуговой.

*Пчела, запутавшись в лучах,
гудит, чтоб голос не зачах.*

3.

Пчел, клевер, птиц, друзей, родных и тех, кого еще любила
(кого еще она любила?), —
в замирный мир покорно проводив —
она смотрела
им вслед.
Обратный свет
— мгновенен и ревнив —
обуглив сад, не дал ответа —
прощай, прощай, гербарий лета.

4.

(И там, где нет мохнатых тел
гудит пчела в лучей сетях,
так пчѣльный аполлон хотел,
чтоб хор пчелиный не зачах)

5.

А тот, кто в тьме залуговой
горел из сетчатого абажура, —

перебирал гербарий света,
читал по пчѣльным знакам
и расправлял траву ответа,
рифмуя «bee» — и — «Emily»
и весело нырял
в зиянья солнечных (воз)душных ямок.

45

6.

Я дочитала
пчелиных писем твой гербарий:

по лестнице мохнатой, желто-черной
ты вышла в свет —
и сказала:
«Но — в тьме пчелиной шелухи
они живут, мои стихи?»

7.

И тот, кто в тьме залуговой
перебирал гербарий,
кивнул завешенной сетями головой.

В ОТКРЫТОЕ ОКНО ВШАГНУЛ СИРЕНЕЙ ЗАПАХ

В открытое окно вшагнул сиреней запах —
Дача.

Я думаю о Чвирике и Чвирке —
Они уже тогда определяли звуки,
Не зная ничего, не знача.

Волк пропел три раза «мяу»,
Минутки маятник пожрал.
Толк вропел мри таза «ряу»,
Минутки маятник пожрали.

46

Сетка, локоть, сандалетка,
Лодыжка, запястье, ракетка.

ч — чв — чви
р — ри — рик
(так Чвирка Чвирика зовет)

Минуты капают в компот.

Воланчик: верхняя дуга + (только где она?) + нижняя дуга
У маятника — одна нога, сказал бы кто-нибудь.

Но я скажу: на длинной шее голова (собою вниз) —
вот нижняя дуга.

И вместе это — дачный глаз.

Подумай, взять хотя бы таз:
Сегодня там варенье,
А завтра там белье.
Так у людей всегда:
Привыкнешь к ним,

Глядишь — они вранье
И пыль наддуговая.
(*Так Чвирка говорила*).

Сиреней запах вышел из окна,
Осталась комната — одна, темна, надменна,
Как фотография не на,
Как маятник на не, но...

Лишь на обоях вечность — бесстыдна, кровавлённа.

УПАВ С ВЕЛОСИПЕДА

Упав с велосипеда, знаешь вдруг:
между тобой и миром – плоть,
и так тонка, и так капризна,
что грубой и выносливой душе
она сплошная укоризна.

И знаешь вдруг,
что равен небу, лесу, полю,
как зеркало, что ли, ты –
тогда представишь ЗЕРКЛО,
чьи отраженья сначала расплывчаты,
потом и вовсе вылиты,
и брызнули на волю,
как рыбки из садка,
как мотыльки из сада,
как с неба облака,
как с облаков вода,
как Аронзона вокруг
все замелькало, смеркло.

ПТИЦЫ БРЕЮТ ПОДМЫШКИ ПЕРЕД НОЯБРЬСКИМИ

Засохший серпантин давно ушедшего лимона,
стол в заусенцах и глазках.

И в шелке маленький голодный насекомый,
но этого не видно никому.

А тут еще птицы, да хоть воробьи —
клюв, перья, подмышки.

Подмышки клювами скребут, как выбривают,
но подмышек и подавно не видно никому.

(Не)ви(д/н)ен сон власатых птиц,
а утром сна слышны излишки.

А птицы лысые в клетушках, хоть летают,
но их полет невидим никому.

49

Лимонной корки плесень — камень-лабрадор,
кто забыл ее с лета на дачном столе,
придет ли за ней, найдет лабрадор?

Сок осенних деревьев — скудеющий дар
многого знания — кому?

ТАМАРА

(ЧВИКАРТВЕЛА)

*У пристани простора ночи
качаются как волнорезы
планеты, сочные кометы
и золотые дикобразы,
и спутники, и самолеты.
Там золоты, дикообразы
кустов взлетающие косы,
Там ходят козы по загону
и думают, что их забыли.
Там пахнет сеном. Там овечки,
и речки плачут в одиночку
(распущены поодиночке,
стремясь в сжимающуюся точку)
по карте мимоезжих склонов,
по бороздам моей печали –
так думал темный и крылатый,
так думал грузный и сивокрылый
сюда случайно заглянувший,
и лермонтов к нему подкрался
и прошептал: «гляди: Тамара».*

Она же, косы распустивши,
сидела в башне-недогрызке
и пела, пела выше крыши
то по-грузински, то по-русски:

*о джаз река моей печали
пинчона птица посредине
ту-ту, биб-биб.*

*о лодочка вьетнамских шапок
в прозрачном небе стрекозином
ту-ту, биб-биб.*

ПТИЦА БАСАНАТА

(стихи об Италии)

I.

Здесь Аполлон бормотал, пьяненький, «басаната»,
А Джузеппе о городах, в которые нет возврата,
Не то чтобы плакал, но это как бы заплата
Была; он ставил ее повсюду, где видел ткань из мрамора,
бронзы, золота.

Одиннадцать лент

Здесь

Для украшения Арно

Есть.

Дай, говорю,

Днесь

Наглядеться на мрамор, но

Кому говорю: этрусскому духу Арно,

Русскому слуху Анны,

Еврейскому Иоанна,

Чьи бирюзовые ванны

В здешних палатах рябят, плещутся, их столько, что их не счесть,

И в них распускается-светит Иоаннов Цветик-Цветок?

II.

О птица хмельная-вещая Басаната,

Как до сих пор легкокрыла ты и златоперната!

И не то здесь странно, что в конце зимы нет мороза,

А что рифмой к нему восьмомартова дура-мимоза,

И что с(в)ечение Арно (в сумерках) медно, а не янтарно,

И что лезут в окно бесенята,

А из окна

Расправляет крылья голодная (до сих пор) Басана-

Басаната,
Живая пока, говорит:

Замри, Флоренция, (не) забуду
Твоих сумасшедших старух
И премудрых Триче,
Им не сойтись вовек,

А серые ленты
Арно и трече-,
Кватроче-,
Чинквече-
И прочее птичьеченто
Залатали вход, Флоренция, в твой небесный чертог.

О ЧВИРИКЕ И ЧВИРКЕ

часть вторая

ЧВИРКА РАЗГОВАРИВАЕТ
СО СТРЕКОЗКОЙ,
ПОКА ЧВИРИК НА ВОЙНЕ

– Стрекозка, чего ж ты летаешь,
Почти уже ночь на дворе,
Невидные дырки латаешь,
Во времени скрытой дыре.

– О Чвирка, летаю и таю,
Почти уже тенью на не-
Бе, солью на тьме проступаю,
А всё успокоиться не...

– Стрекозка, когда в беспространстве
Мой Чвирик тебя рисовал,
Он думал о маленьком братстве
Тебе неизвестных зеркал.

– О Чвирка, оно отразилась
Однажды на крыльях моих,
Как глупо, что я не умею
Об этом тебе рассказать.

ЧВИРИК НА ВОЙНЕ

Еще я не погиб
В родном-чужом краю.
Еще закат-восход
Зовет меня в поход.

Мой ратный труд –
Обратный круг.
Мой родный брат –
Обратный враг.

Мой враг огонь, мой брат огонь,
«Ты потуши свою ладонь, –
Сказал товарищ мой Динь-Донь, –
Ты потуши мишень».

Динь-Донь завесит мой огонь,
Завесит шепотом: *тинь-тонь*,
И я сожгу свою ладонь,
Горящую мишень.

И будет птичий день
В родном-чужом краю.
И на закат-восход
Товарищ мой уйдет.

СПРАВА? ЗА СПИНОЙ?

Компьютер, разумеется, компьютер,
стена, окно,
но где оно,
справа? за спиной?
странно знать, где окно
и не знать, что оно
под стеной.

Т. е. хотеть не знать, где окно.
Лес – кристальная река. Не изнутри,
с зверюшками, зверищами,
и верещаньем в чаще.

Но только то,
что видно и с дороги.

С дрог одрогших легковых.
Вот он. Вот он. Он жестяной и завитой,
залитый осенью, как лавой.

Как вывих, псих во снах своих.
Лес, лён (потухших погремушек), ручей,
лес, лён (он больше не синён), ручей.
Твичей, твичей, без многоточий,
из (т)рудных многодней.

Нельзя запомнить,
какая птица, что твердит.

Кто говорит *твичей*,
кто говорит *тютю*,
а кто молчит.

Особенно нельзя понять,
поняв, нельзя запомнить,
которая из них молчит.

ЧВИРКА ОПЬЯНЕЛА ОТ ЗИМЫ (1)

серёдкий профиль, свежий снег,
открыт мороз, как вернисаж,
слетает с неба табурет,
летит голубка на массаж,
в ее лёдкие перья
впутались зверья —
кроткие кторы,
которые пресные воды забыли,
а все потому что летают,
чирикают с бедного блёсткого солнца:
«куда улетела голубка?»

Чвирка глядит в золотые, как небо, сугробы:

58

«о франция, где твои лозы?» —
так пьяная Чвирка бормочет.

Чвирик приходит и всё на места расставляет:

посередке головы пролегает четкий профиль
тенью беса на снегу, на третьем берегу.

ЧВИРКА ОПЬЯНЕЛА ОТ ЗИМЫ (2)

на кристаллических решетках
зимы – зима, и говорит:

пташка-ледышка упала на лапу азора – не вышло,
т. е. нет никакого обратодвиженья,
упала и там лежит
(почему-то).
смотрит азор удивленный: крылата лодыжка.
ну, так и лети, говорит.

у Чвирки в зубах золотая минута
болит.

*на вот, сера, роза –
так милая Чвирка бормочет –
азор арестован.
о Чвирик, зачем мы затеяли это движенье.
мне любви подарки твои в этом мире для плоти и крови.
но плачет азорка, своих азорят обнимая:
азор арестован.*

59

вот серая роза зимы, вознеслась мимо крыши
бесснежной зимы бестелесной,
на лёсочке птичка-луна шарокрыла,
в лесочке она утонула,
и выла, так мило, уныло:

и смежной дури просторечье,
и велеречье снежной снасти,
и междуречье и двуречье
вороновыпуклой напасти,
отклоненье от движенья,
освобожденье от полета,
бесснежной ночи унижение,
где тьма безнежная разута –

всё это воздуха работа,
всё это господа забота,
вся эта музыка забыта,
музыка эта вся изъята.

О ТОМ, ПОЧЕМУ ЧВИРКА НЕ МОЖЕТ ПОМОЧЬ ПОПУГАЯМ

*Год дэм!.. В какой-то мере
И строго говоря...*

(Елена Шварц)

Die Leuchtt rme tun was sie können

(Gregor Laschen)

Дре -ль? -во? -наж?
Слова не любят продолженья –
Дре- скок в чужой язык: dreht durch! –
Неважно – все это не много значит.
Маячит смысл на маяке, бессвязен океан.
Что могут маяки?
Маячит смысл для моряков –
На маяках. Нет? Тем лучше.
Рябь мира, моря восхожденье
Язык щекочут кровожадно.
Неумное какое наважденье –
Петардно, пестроядно, шоколадно.

Над темным океаном Чвирик,
Но он не знает наших слов,
Иначе, Лена, попугаю
Помочь бы Чвирик был готов.

Иначе зарыдала б Чвирка
И унесла б в свой дом крылатый
*Комочек красно-золотистый
Зеленый и голубоватый.*

ЧВИРКА БОИТСЯ

Вот и лето улетело
на внезапном помеле,
съело нижний свет и село
миской ягод на столе.

Страшно фонарю качаться
и полосаты вечера,
а речке-млечке замедляться,
а роще-гречке спать пора.

Очень тонкие колечки,
ветра жабры-поплавки
выдыхает роща. Осень
греет пальцы у реки.

Вымя вымыла корова,
прогулявшись по реке,
съела слово, съела слева,
съела куст на пауке.

Сохнет кошка со двора
в дустном облаке сортира.
В белой шапочке сатира
Анти-Чвирик: *та-ра-ра*.

ЧВИРКА ИЩЕТ ЛАЗЕЙКУ ОТСЮДА

То-то и топь и поляна теперь так пёстро раскрыты –
отданы ветра брякушкам.

То-то листьям не прядать от ветра, а выть неподвижно,
то-то так выступил свет и так ловок.

Тропа потопила топот,
Распускает свет серую пряжу тумана,
мotaет в красный клубок.
Чешется ветер о ствол.

То-то летит можжевельник по сизому небу,
трещит электрический ветер и – шлеп – электроны

на сквозняке,

то-то всё тихо.

А вот и не то, говорит кто-то,
тихий свет низко ползет под кустами черники,
боится, что кто-то его обнаружит.

ЧВИРКА И ЧВИРИК
РАЗГОВАРИВАЮТ,
КОГДА ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ СПИТ

– Когда мы, Чвирик, выбирали
Для света самого дневного
Поблѣстче воздуха частицы
Из наших времени запасов,

Не знали, Чвирик, мы не знали,
Что в этом свете, как в темнице,
Мы будем заперты, младенцы
Для нас ветшающего мира.

64

– Подумай, Чвирка, эта скорость
Затем ли бабочкой сбежала
Из нежно медленного рта,
Чтоб тормозить времен кружала?

– Не знаю, Чвирик, только страшно,
Что изморозь невременная
Уронит этот свет как в морось
В неслыханное тра-та-та.

ЧВИРИК-АЙБОЛИТ

*За большую звериную лапу
И за римского папу.*

(А. А. Блок, «Болотный попик»)

За лягушью лапку
Мушки-козявки
Принесли мне латку
Целебной травки.

А лапку лягушью
Козявки-мушки
Рисуют тушью
На яйце кукушки.

Больная лапка,
Травка-ворожейка,
Римская папка —
Рецепты подшей-ка!

Медовую липу,
Медвежью лапу,
Лунную лупу
И Тихую Сапу —

Всех вылечит неведомая сила
Потому что Чвирка так просила:
*За большую звериную лапу
И за римского папу.*

ЧВИРКА В АЛЬПАХ

На газировке (стакане) мурашки,
Совиные Альпы суровы,
Но не к Суворову (видимо).
Деревья следят, как прицельные мушки,
Охотничьи башенки-
бешенки лисьей норы,
Смеются, когда пробегает косуля невидимо.

Когда часовой механизм не работал
И было вообще не известно, кто ходит по спицам травы,
Слюнки весны осушая,
Коровы включали с утра свою музыку ботал.
Регтайм маятников на шее.

66

А я и не знала об этом.
Но вот:
Время — оборвыш вшей и вещей
По воздушным долинам скок-скок.
Но я не об этом.

(Воздушные пастбища — но это не в Альпах, конечно —
Там скрыт(н)ые ямки ловили меня
(хоп-хоп).
Когда мы вернемся туда, там сгниют на морозе черешни.)

О Чвирик, в бездушных долинах
Я ли заплачу от едкого нотного натра?
Или заплачу? Мне страшно бывает наутро
После ночных перелетов совиных.

— О Чвирка, родная, молчи, это вовсе неважно.
Не нужно к этим местам привыкать.

ЧВИРКА В МУЗЕЕ

Деревья как на картине «Грачи прилетели»,
но без грачей.
как ни странно, без них
воздух хотя и притих,
но выглядит менее тусклым,
резвится в косицах сырых.

Деревья: «само по себе» и «само по себе»,
как Чвирка и Чвирик.

А прилетают грачи —
съедают весь воздух,
дистанцию дня выпивают,
соединяют собой отдельно летящие ветки.
Собой! собой! собой!
так кричат они, как на картине «Грачи прилетели».

67

Снег, следы еще не ступавших по снегу грачей —
морщины-грезубки.

Грачи прилетели.

СНЫ ЧВИРКИ

1.

Чвирка не знает ни пота, ни хлада,
ни глада, блуда,
только скользить, задевая воздушные складки,
забота ее и отрада, работа ее и награда.
Вот серая лошадь, сарай, можжевельник,
навязанный сон,
сани, светло на орбите.
Теряется куст, воздух с дырками в виде куста,
смотрит на чвирку во сне металлический мельник.

2.

68

Сова, открытая в провал сарая,
И мыши ужас.
Летучей мыши хищный ужас.
Вода кривляется-кривится,
По стеклышку, по сквознячку,

Так льет вокруг, что будто в качку
Попал сарай, «Прощай, сестрица», –
Закукарекала (от ужаса) сова.
Охрипла осень много раз,
Затрепетной калиткой скрипят ее про(г)улки;
Все стихло, утренник в саду:
Много травы полегло.
Лишь сова все еще кукаречит.
А кто ее слышит-то?
Кто в пальто?
Хихикают мышки, как детки не очень понятным словам
Очень улыбочливой тети.
Сова усомнилась в полете.

3. (сон-считалка)

Свет сцапал в бёссвете скворца.
Стоит черешня в пол-лица.
Смола в дупло течет, там нети.
Нечет перепутал счет,
это не в счет, а в счет лишь то, что знает чет.

*И маленькая веточка на дереве растет,
а на ней булечка булочку сосет.*

Давно в звенящее дупло упала ночь.

Лица над этим садом, следом содом и соль,
Соль и хлеб.
Звено в цепочке в цёпочке шелковбиц-шелковиц,
где шелкопряд свивался в нети-сети,
в летящую шелковинку и шелковинку,
где скрылись крылушки и крылалушки
степной сухой духоты,
душноты, хохоты-похохоты.
Ты.

69

4.

М Б
 И А
 Х Б
 Н О
 О Ч
 В К
 А А

Тонкая лампа лапа лама	Лама ходит по траве
Лама ходит по раве	Чудэсный звер
Он оранжев трава зелена	Туманной шерсти клок
На узкой тропинке бабочка	Упал на бабочку
Не машет крылом	Трава не знает здесь
Чтоб не (в)спугнуть ураган	Как бабочка первопричинна

НЕРАВНОКРЫЛА

ТРУДНО ИСКАТЬ
СЕРОГО АНГЕЛА
В СЕРОМ НЕБЕ

1.

Два синих тельца в синем небе —
Не видно чвириков с земли.

Два тельца огненных на солнце —
Не видно чвириков с земли.

Две ртутных тени в лунном теле —
Не видно чвириков с земли.

70

2.

Две пенки в пене океана —
Не видно чвириков с луны.

Две блёстки в блеске дня и снега,
Не видно чвириков со звёзд,

Два заплутавших демиурга:
В огне саврасом и кауром
Они — савраска и каурка.

ЧВИРКА УЧИТ СЛОВА И ПРОБУЕТ ПОНЯТЬ, ЗАЧЕМ ОНИ НУЖНЫ

Дремучий лес, дремота дремлет днем.
Букашки прыгают как буквы без очков.
Проснулся смысл и был таков.
Кто не прыгает, тот не прыг.

Возьмешь пять слов из словоградок,
Сжует их сидорова козка,
И ты останешься ни с чем.
И ты им не указка.

А вот пять слов возьмут тебя,
но ты-то об этом не знаешь, и нет у тебя у тебя ничего.
Но, конечно, и те, что ты подберешь
(если, конечно, их козка не съест)
можно будет потом разбирать, вынимать из корзины,
мыть, разрезать, проверять на червивость, на вшивость,
остаток будет хорош,
но это будет от силы пять букв ненадежных,
пригожих, конечно, чего там
(— О Чвирик, напомни взять словорезку).

71

дверь замók на пол-забора, чтобы замók не замók
кикймора-кикимóра
подставляет холодок
водный царь в заросце скачет
и курлычет и маячит
где-то слева посредине
на горящих скороводках
и в сарае незакрытом
плачет щука плавником
кот следит за тем корытом
кто слова в него кидает

в дальний угол ближний леший
пеший путник не боится
он не знает кто здесь главный
конный путник приплывает
и бежит на каблуках
бах трах ах крах
вечер ветер весел верен
ветренен весна весна
вот и красная девица
разослала разносолы

стоп

Стоп да не сто

ЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ ЗАДУМАЛ ЧВИРИК

Земную жизнь задумал Чвирик.
И что сказать? Она ему, пожалуй, удалась.

Но Чвирка так ему сказала:
— Я вяну здесь,
Давай вернемся.

И Чвирик Чвирку пожалел.

СОДЕРЖАНИЕ

О ВВЕДЕНСКОМ ИССЛЕДОВАНИЕ В СТИХАХ

<i>Виктор Бейлис. Предисловие</i>	9
О ВВЕДЕНСКОМ	15

О ЧВИРИКЕ И ЧВИРКЕ СТИХИ ИЗ РОМАНА О ПОПУГАЯХ

<i>Виктор Бейлис. Предисловие</i>	27
---	----

О ЧВИРИКЕ И ЧВИРКЕ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПТИЦА КАГУ	37
ВАДИМУ СТРУКОВУ	39
ЧЕТЫРЕ ДЛИННЫЕ МИНУТЫ	40
КТО ЧТО ГОВОРIT	
1. «Вот календарь сказал: осенних листьев жар...»	42
2. «Вороне Бог сказал: „Сыграем...“»	42
ПИСЬМА ЭМИЛИ ДИКИНСОН (ПЧЕЛА И БОРТНИК)	
1. «Пчела, описывая круг...»	44
2. «В Залуг летит пчела, летит без тела...»	44
3. «Пчел, клевер, птиц, друзей, родных и тех, кого еще любила...»	44
4. «И там, где нет мохнатых тел...»	45
5. «А тот, кто в тьме залуговой...»	45
6. «Я дочитала...»	45
7. «И тот, кто в тьме залуговой...»	45
В ОТКРЫТОЕ ОКНО ВШАГНУЛ СИРЕНЕЙ ЗАПАХ	46
УПАВ С ВЕЛОСИПЕДА	48
ПТИЦЫ БРЕЮТ ПОДМЫШКИ ПЕРЕД НОЯБРЬСКИМИ	49
ТАМАРА (ЧВИКАРТВЕЛА)	50
ПТИЦА БАСАНАТА (СТИХИ ОБ ИТАЛИИ)	
I. «Здесь Аполлон бормотал, пьяненький, „басаната“...»	51
II. «О птица хмельная-вещая Басаната...»	51

О ЧВИРИКЕ И ЧВИРКЕ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧВИРКА РАЗГОВАРИВАЕТ СО СТРЕКОЗКОЙ, ПОКА ЧВИРИК НА ВОЙНЕ . . .	55
ЧВИРИК НА ВОЙНЕ	56
СПРАВА? ЗА СПИНОЙ?	57
ЧВИРКА ОПЬЯНЕЛА ОТ ЗИМЫ (1)	58
ЧВИРКА ОПЬЯНЕЛА ОТ ЗИМЫ (2)	59
О ТОМ, ПОЧЕМУ ЧВИРКА НЕ МОЖЕТ ПОМОЧЬ ПОПУГАЯМ	61
ЧВИРКА БОИТСЯ	62
ЧВИРКА ИЩЕТ ЛАЗЕЙКУ ОТСЮДА	63
ЧВИРКА И ЧВИРИК РАЗГОВАРИВАЮТ, КОГДА ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ СПИТ . . .	64
ЧВИРИК-АЙБОЛИТ	65
ЧВИРКА В АЛЬПАХ	66
ЧВИРКА В МУЗЕЕ	67
СНЫ ЧВИРКИ	
1. «Чвирка не знает ни пота, ни хлада...»	68
2. «Сова, открытая в провал сарая...»	68
3. «Свет сцапал в бёссвете скворца...»	69
4. «Михнова бабочка...»	69
ТРУДНО ИСКАТЬ СЕРОГО АНГЕЛА В СЕРОМ НЕБЕ	
1. «Два синих тельца в синем небе...»	70
2. «Две пенки в пене океана...»	70
ЧВИРКА УЧИТ СЛОВА И ПРОБУЕТ ПОНЯТЬ, ЗАЧЕМ ОНИ НУЖНЫ	71
ЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ ЗАДУМАЛ ЧВИРИК	73

Ольга Мартынова
О ВВЕДЕНСКОМ
●
О ЧВИРИКЕ И ЧВИРКЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В СТИХАХ

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта
Вадим Месяц
Главный редактор серии
Андрей Тавров

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
e-mail: a_tavrov@mtu-net.ru

Подписано к печати 15.10.09. Формат 140×200.
Бумага офсетная. Гарнитура Newton.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Cherry Pie»
112114, г. Москва, 2-й Кожевниковский пер., 12